

— Не хотите воссоединиться? — Вэнь Жунь нарочито изобразил удивление. — Тогда зачем же вы вообще пришли к Лю-ши?

— Госпожа Лю — отвергнутая жена нашего рода Линь. Но мы, Линь, милосердны: раз она не может родить, пусть вернётся в наш дом и станет наложницей моему сыну — и всё тут, — с самодовольным видом заявила старая госпожа Линь. — Как говорится: «Из трёх видов непочтительности величайшая — отсутствие потомства». Госпожа Лю прожила у нас семь-восемь лет, но даже девочки не родила! Неужели вы хотите, чтобы мой третий сын остался без наследника? Он добрый человек — пусть она проведёт в нашем доме остаток своих дней.

Она искренне считала, что сказала всё очень уместно и правильно.

Однако Вэнь Жунь лишь рассмеялся:

— Старуха, если не знаешь — не болтай вздор! Осторожно, ещё в суд подадут, да и закон нарушишь! Не только вашему третьему сыну, но и всему вашему дому, пожалуй, несдобровать!

— Что ты несёшь?! — в ужасе воскликнула старая госпожа Линь. — Ты хоть и господин цзюйжэнь, но не имеешь права так обижать простых людей!

— Я, господин, даже не удостою таких бессовестных, как вы, своим притеснением! — с полной уверенностью ответил Вэнь Жунь.

Староста Чжан и остальные едва сдерживали смех — слова Вэнь Жуня попали прямо в точку!

Только что они ещё злились до белого каления, когда речь зашла о том, чтобы Цуйхуа стала наложницей!

— Да вы совсем совесть потеряли! — возмутилась старуха Чжан и даже плюнула на землю. — Хотите заставить Цуйхуа стать наложницей? Да как вы вообще такое вымолвить посмели?!

Тётя Ян уже плакала от злости:

— Это же издевательство! Просто издевательство!

— Получается, по-вашему, госпожа Лю должна вернуться к вам? Та самая, которую вы официально взяли в жёны, а потом изгнали, — и теперь хотите, чтобы она стала наложницей вашему третьему сыну? — Вэнь Жуню даже сказать было нечего. — Во-первых, по законам нашей династии простолюдину разрешается взять наложницу только в случае, если ему исполнилось сорок лет и у него нет детей. Причём даже наличие дочери уже означает, что потомство есть! Дочь может остаться в родительском доме и принять мужа. Как мне известно, господин Линь Сань-эр, вам сейчас тридцать лет. Вы женились на госпоже Лю в семнадцать, и почти десять лет она прожила в вашем доме. За это время она беременела два-три раза, но

каждый раз из-за чрезмерного труда теряла ребёнка. В итоге вы изгнали её по «семи причинам развода», а сами женились на другой женщине и уже имеете детей. С момента развода между госпожой Лю и вашим домом все связи прекращены, и у вас вообще нет права брать наложниц! Если госпожа Лю захочет вернуться, это возможно только через воссоединение брака. Но у вас уже есть жена и дети. Единственный способ — понизить нынешнюю жену до статуса наложницы, а детей сделать незаконнорождёнными. Иначе госпожа Лю ни за что не вернётся! Кто из нормальных женщин откажется от положения законной супруги, чтобы стать наложницей — да ещё тому, кто сам её изгнал?! А даже если бы вы и пошли на такое, госпожа Лю всё равно не смогла бы вернуться, ведь у вас нет права на наложницу!

Линь Сань-эр остолбенел от изумления — он и понятия не имел обо всём этом!

Старая госпожа Линь в панике закричала:

— Но ведь мы изгнали её именно потому, что она не могла родить! А ведь «из трёх видов непочтительности...»

— Позвольте и мне сказать пару слов, — перебил её Вэнь Жунь. Он понял, что эта старуха вовсе не страшна — просто упрямо твердит одно и то же, бесконечно цепляясь за эти восемь иероглифов: «Из трёх видов непочтительности величайшая — отсутствие потомства».

— Раз вы так любите повторять эти восемь иероглифов, давайте разберём их как следует, — продолжал Вэнь Жунь, неторопливо обмахиваясь веером. — Все хорошо знают эту фразу, и многие думают, будто она означает: «Существует три вида непочтительности, и величайшая из них — отсутствие потомства», а точнее — отсутствие сына. Поэтому эту фразу часто используют, чтобы убеждать людей жениться и заводить детей, и даже в «семи причинах развода» указывают «отсутствие потомства» как основание.

— Именно так! — обрадовалась старая госпожа Линь. — Я родила столько детей в роду Линь, и теперь наш род процветает — это всё моя заслуга!

— Если все будут думать так, как вы, то это будет грубейшей ошибкой! — усмехнулся Вэнь Жунь. — Вы мало читали и мало понимаете, поэтому я не стану с вами спорить.

Старая госпожа Линь возмутилась:

— Что вы имеете в виду? Вы что, считаете, что я неправа?!

Старая госпожа Линь всю жизнь была задиристой и упрямой — как она могла допустить, чтобы кто-то сказал, будто она ошибается?

— Неужели только из-за того, что нет сына, всё уважение и забота о родителях становятся

«великой непочтительностью»? Получается, все те, кто ушёл в монахи, не женившись и не заведя детей, — все они «великие непочтительные»? Да это же полный абсурд! — Вэнь Жунь широко раскрыл глаза. — Скажите, бабушка, вы вообще знаете, откуда взялась эта фраза?

— Я... Да ведь все так говорят! — Старая госпожа Линь, конечно, ничего не знала. С детства слышала одно и то же: её свекровь когда-то прямо сказала ей — если за три года не родишь сына, нечего и думать оставаться в роду Линь.

Вэнь Жунь смотрел на неё так, будто перед ним стояла полная невежда — а ведь на самом деле так и было: старуха действительно ничего не смыслила.

— «Из трёх видов непочтительности величайшая — отсутствие потомства». Далее в тексте говорится: «Шунь женился, не спросив родителей, потому что боялся остаться без потомства. Но благородные люди сочли, что он поступил так, как будто спросил». — Вэнь Жунь стал серьёзным. — Эти слова взяты из «Мэн-цзы. Личлоу, глава первая». Речь идёт об императоре Шуне, одном из мифических правителей древности. Здесь «отсутствие потомства» вовсе не означает «нет детей». Речь о том, что Шунь женился, не уведомив родителей, — а это и есть непочтительность! В нашем обществе браки заключаются по воле родителей и посредством свах: «официально обрученная — жена, а бежавшая сама — наложница». Шунь же взял жену без ведома родителей и без свахи, самовольно — значит, не исполнил своего долга как сын, и это непочтительно. Однако в его случае обстоятельства были особые: его родители и младший брат постоянно замыслили против него зло, поэтому благородные люди простили ему такой поступок. Госпожа Лю была принята в ваш род Линь через три праздника и шесть обрядов — она была законной женой вашего третьего сына. После развода она больше не имеет с вами ничего общего. Зачем же вы снова пришли за ней и ещё хотите заставить порядочную женщину стать наложницей? Неужели вы не знаете, что наложницы считаются купленной собственностью? Кроме того, в «Мэн-цзы. Личлоу, глава вторая» перечислены пять видов непочтительности:

Первое — лениться, не заботиться о пропитании родителей;

второе — предаваться азартным играм и пьянству, забывая о родителях;

третье — жадничать, тратить всё на жену и детей, оставляя родителей без поддержки;

четвёртое — предаваться чувственным наслаждениям, позоря родителей;

пятое — драться и буяннить, подвергая опасности родителей.

Ни в одном из этих пяти пунктов не сказано, что отсутствие потомства — это непочтительность! Кто из мужчин не желает продолжить род? Кто из жён не хочет принести мужу потомство? Просто иногда нет возможности, или есть, но женщина изнурена работой и болезнями — как в таких условиях выносить ребёнка? Госпожа Лю несколько раз теряла детей — заботились ли вы хоть раз о её здоровье?

Вэнь Жунь говорил долго, но на последний вопрос никто не ответил.

Старая госпожа Линь слушала, разинув рот: Вэнь Жунь объяснил всё так ясно, что её доводы оказались лишь народным суеверием, не имеющим под собой ни моральной, ни правовой основы.

— Настоящая непочтительность — это не исполнить свой долг как ребёнок, не сохранить семейные традиции и честь предков, опозорить род и заставить родителей краснеть от стыда! — Вэнь Жунь повернулся к Линь Сань-эру и начал его «поливать» ещё сильнее. — Тебе уже тридцать лет — возраст зрелого мужчины! А ты вместо того, чтобы сам решать свои дела, посылаешь вперёд старую мать! Подумай-ка, кто ты такой? Простой крестьянин! И ты смеешь мечтать о жене и наложнице? Да ещё и хочешь заставить порядочную женщину стать наложницей! А ведь наложницы заносятся в «низкий реестр» — ты осмеливаешься принуждать свободную женщину к такому позору? Это тягчайшее преступление!

В древности взятие наложницы — дело не шуточное. Право на это имели лишь люди определённого статуса. Обычный человек, посмеявшийся преступить границы своего положения, совершал тягчайшее преступление!

Вэнь Жунь сначала говорил мягко и спокойно, затем стал серьёзным, а в конце и вовсе резко обрушился на Линь Сань-эра:

— Да кто ты такой вообще?!

Его тон был полон презрения, взгляд — насмешлив и колюч.

Линь Сань-эр покраснел от стыда, а потом побледнел до смерти.

Старая госпожа Линь тоже остолбенела: что может знать такая необразованная бабка?

Если бы Вэнь Жунь не пожалел её и не объяснил всё простыми словами, которые она хоть как-то могла понять, то эти трое — включая возницу из рода Линь — так и остались бы в полном тумане.

Староста Чжан и остальные слушали с восхищением:

— Вот уж поистине учёный человек! Какой острый язык!

— Не верю! — запричитала старая госпожа Линь, переходя к обычной для неё манере — хамскому упрямству. — Я хочу лично увидеть госпожу Лю! Пусть сама скажет!

Когда Лю жила в доме, всю грязную и тяжёлую работу делала она одна. А теперь, спустя два

года после её ухода, невестки в доме совсем не слушаются. Третий сын женился на вдове — та, правда, быстро родила сына, но ленива до невозможности и держит мужа в железной узде: скажет «на восток» — он и на запад не посмеет взглянуть, даже собаку прогнать от кур не даст.

К тому же эта женщина подбивает старшего сына на всякие хитрости и обман, да ещё и требует раздела дома! Пусть мечтает!

Пока старая госпожа Линь жива, о разделе и речи быть не может!

Она хотела вернуть Лю по двум причинам: во-первых, та отлично работала, была послушной и гибкой — её можно было «ломать и катать» как угодно. Во-вторых, Лю — законная первая жена третьего сына. Если она вернётся, разве та вдова посмеет не слушаться?

И нечего говорить о «родственных связях» — родственница и невестка — это совсем разные статусы!

— На каком основании вы хотите видеть мою сестру? — тётя Ян уже не плакала, а стояла прямо, как струна. — Вы же развелись! Какие ещё претензии? Скажу вам прямо: моей сестре теперь хорошо живётся, и она счастлива, что порвала с вами! В вашем роду Линь она только несчастья знала: дети один за другим погибали... Теперь, слава небесам, она наконец восстановила здоровье — и не будет больше терпеть беды!

Тётя Ян и слышать не хотела, чтобы они встретились с сестрой!

Развелись — и всё! Зачем ещё видеться?

— Почему это нельзя увидеться? — не сдавалась старая госпожа Линь. — Она что, из бумаги сделана? Боится, что её увидят?

— Как вы вообще можете так говорить?! — возмутилась старуха Чжан. — «Бумажная» — это ведь про покойников! Вы что, желаете ей смерти?! Лучше уезжайте! Жара стоит, дорога неблизкая — приехали, убедились, что Лю жива и здорова. Спасибо, что вспомнили, теперь возвращайтесь!

Разве после таких слов можно ещё цепляться?

Неужели они думают, что в Ляньхуаао легко кого-то обидеть?

Господин Вэнь, цзюйжэнь, вёл себя сдержанно и вежливо. Но если они всё ещё не понимают простых слов — местные мужики не прочь и кулаками поговорить!

— Я... — старая госпожа Линь уже собиралась закатить истерику, но тут дядя Ян строго посмотрел на Линь Сань-эра:

— Линь Сань-эр! Ты как сам думаешь? Что ты хочешь — воссоединиться или убираться восвояси? Не заставляй свою мать здесь позориться!

Он с недобрый взглядом уставился на Линь Сань-эра.

С тех пор как дядя Ян в прошлый раз сразился с бандитами, в нём появилась некая внушительность. Вспомнив, что его даже похвалили в уездной управе за подвиг, он почувствовал себя ещё увереннее.

— Я... это... мама? — Линь Сань-эр явно не умел принимать решений сам и теперь растерянно смотрел на старую госпожу Линь. — Может, и правда... забудем об этом?

— Забудем?! Как это «забудем»?! — закатила глаза старуха Линь. — Выходит, раз ей теперь хорошо живётся, она тебя, мужика, больше не хочет?

— Да ты что несёшь, старая ведьма?! — тётя Ян чуть с места не подпрыгнула. — Это ведь вы, род Линь, первыми изгнали мою сестру! Боишься, что ветер язык вырвет? Как так можно — мол, раз ей у вас плохо было, а теперь стало хорошо, то это уже «неправильно»?! Вы же сами её развели! Зачем тогда пришли? То, что изо рта вышло, разве можно обратно в рот засунуть?!

Вэнь Жуню чуть не стало дурно от такого сравнения!

«Что это за образы такие?!» — подумал он.

Если бы речь не шла о тётушке Цуйхуа, тётя Ян, пожалуй, ухитрилась бы выразиться ещё грубее.

Это уж точно куда прямолинейнее, чем избитое «пролитую воду не вернёшь»!

Староста Чжан кашлянул:

— Уезжайте. И больше не приходите. Раз уж вы порвали все связи с девушкой Лю, пусть каждый живёт своей жизнью — и вам, и ей будет спокойнее.

Сколько раз они уже пытались их прогнать?

— Я... я просто хочу увидеть Цуй... то есть госпожу Лю. Может, она всё-таки захочет вернуться? — Линь Сань-эр неожиданно для всех нашёл в себе смелость сказать это.

— Ты, подлый ублюдок! — На других тётя Ян ещё могла сдержаться, но на этого Линь Сань-эра, человека, погубившего половину жизни её сестры, она взорвалась безудержной бранью: — В глаза, видно, плюнули, раз согласились на эту свадьбу! Даже если мы редко навещали друг друга, я каждый год посылала сестре припасы! Сколько раз она возвращалась домой? Ни разу! Всё время прислуживала вашей семье — готовила, стирала, убирала, спать ложилась последней... Измучилась до того, что потеряла ребёнка! У тебя что, совесть съела собака?! Развелся — иди и живи! Зачем снова пришёл? Мечтаешь, чтобы она вернулась к тебе в наложницы? Да хоть во сне не увидишь такого! Пусть моя сестра хоть умрёт — её похоронят здесь, и она больше ни ногой не ступит на землю вашего рода Линь! Живи со своей шлюхой-женой, наслаждайся!

— Двоюродная сестра, не говори так про Цинъю! Она добрая женщина, родила мне сына... Госпожа Лю... конечно, тоже хороша, но она слишком слаба здоровьем. Я просто... ах... я хочу зайти и увидеть госпожу Лю, — Линь Сань-эр, весь в брызгах слюны от её ругани, уже лишился всякого достоинства, но всё равно упрямо настаивал на встрече.

Вэнь Жуню стало любопытно: зачем им так обязательно видеть госпожу Лю?

Будь он на её месте, он бы при встрече так облил этого негодяя помоями, что тот неделю не отмылся бы!

— Она тебя не увидит! Убирайтесь! — Тётя Ян была здесь единственной, кто имел полное право и основание громко и открыто ругать Линей: ведь она была единственной родной душой Лю Цуйхуа на всём белом свете.

Они с сестрой жили, опираясь только друг на друга. Если она не защитит Цуйхуа — кто защитит?

Поэтому её гнев был абсолютно оправдан, и отношение к роду Линь — крайне враждебным.

— Нет, мы обязаны её увидеть! — упрямо настаивала старая госпожа Линь. — Пустите нас внутрь!

— Никогда, — покачал головой староста Чжан. — Госпожа Лю сейчас работает в доме господина Вэня, цзюйжэня. Даже солдаты без разрешения не смеют туда входить — а вы осмелитесь?

— Я не позволю вам переступить порог моего дома. Уходите, — тоже покачал головой Вэнь Жунь. — Повторяю в последний раз: девушка Лю больше не имеет с вами ничего общего. Не смейте преследовать её, иначе я немедленно подам заявление в управу.

— Но я ищу свою жену! Разве управа может вмешиваться в это? — Линь Сань-эр всё ещё имел наглость так говорить.

— Какая я тебе жена?! — раздался вдруг голос.

Появилась Лю Цуйхуа.

*

Авторские комментарии:

На самом деле, в этом споре особого смысла нет. Только после долгих размышлений я, автор, наконец понял: под «отсутствием потомства» древние имели в виду страх, что некому будет совершать жертвоприношения предкам. А ведь совершать поминальные обряды у семейного надгробия могут только сыновья — дочери после замужества становятся членами чужого рода и уже не принадлежат своему роду.

<http://bllate.org/book/15642/1398119>